

Марина Вольф

Шмуэль Школьников. «Парменид» Платона.
Введение (перевод, часть 2)

MARINA VOLF
SAMUEL SCOLNICOV. *PLATO'S PARMENIDES*.
INTRODUCTION (A TRANSLATION, PART 2)

АБСТРАКТ. The publication presents a Russian translation of the second part of S. Scolnikov's introduction to his edition with commentary on Plato's *Parmenides*. This part directly concerns the content and structure of the dialogue (in the first part of the Introduction he discusses the methodology of the dialogue). In accordance with the generally recognized division of the dialogue itself into two parts, the author consistently lays out the subject matter of both parts. The first part of the dialogue formulates and solves the problem of the one-to-many relation, and this is done both in terms of method and content in a specific Eleatic manner; Scolnikov explains why this approach to the problem leads all reasoning to a dead end, aporia, making philosophy as a whole impossible. The second part of the dialogue is devoted to an alternative ontological hypothesis, which allows for a way out of the aporia. Scolnikov analyzes Plato's basic hypotheses in the second part of the text, shows the place of the participation problem in the dialogue, and also supplements his commentary with tables and diagrams demonstrating the internal structure of the ontologies, respectively, in parts I and II, the sequence and structure of Theorems and Arguments. The content of the Arguments themselves is considered as well.

KEYWORDS: Plato, *Parmenides*, the *Parmenides*, Samuel Scolnikov, one, many, being, participation, the verb 'to be', principle of noncontradiction, arguments.

Диалог

«Парменид», как известно, четко делится на короткий проэмий и две неравные части. (О проэмии см. ниже, *ad locum*). Часть I основного диалога, без сомнения, является апоретической.

© М.Н. Вольф (Новосибирск). rina.volf@gmail.com. Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 18.1 (2023)

DOI: 10.25985/PI.18.1.14

Общий план диалога во многом аналогичен «Менону» и «Государству»: относительно короткая апоретическая первая часть, основная часть диалога, направленная на преодоление первоначальной апории. (Вероятно, можно было бы и далее разрабатывать эту схему и представить «Теэтет» как апоретическое введение в предполагаемую трилогию «Софист» – «Политик» – «Философ»)¹.

Часть I

Апория в части I «Парменида» сконструирована в подлинной элеатовской манере. Проблема заключается в отношении одного ко многим, и именно эту проблему — или ее модификации — должно было разрешить учение об идеях. Отношение одного ко многим выражается, как правило, посредством ἕστι, 'существует', будь то отношение Сократа к его многочисленным предикатам или отношение великого самого по себе к множеству больших вещей. Парменид оппонирует Сократу, используя элеатовскую дилемму с целью заблокировать доктрину идей как решение рассматриваемой проблемы: либо мы принимаем одномировую, гомогенную онтологию, в которой идеи и чувственно воспринимаемые вещи, можно сказать, принадлежат к одному и тому же онтологическому типу (т.е. обладают одними и теми же онтологическими характеристиками), либо мы принимаем многомировую гетерогенную онтологию, в которой идеи и чувственно воспринимаемые вещи принадлежат к различным онтологическим типам и, соответственно, обладают разными онтологическими характеристиками (например, находиться в единственном месте vs. во множестве мест, материальность vs. нематериальность, или любые другие — точные характеристики нерелеванты настоящей дискуссии).

¹ Diès 1923: xii считает «Парменид» первым диалогом тетралогии, за которым следуют «Теэтет», «Софист» и «Политик». Ср. также Migliorì 1990: 54. Хронологическая связь между «Теэтетом» и «Парменидом» неясна.

Это чистая дихотомия: либо первое, либо второе. Если первое, тогда либо идеи онтологически подобны чувственным вещам, либо чувственные вещи подобны идеям. Если идеи подобны чувственным вещам, тогда чувственные вещи причастны либо всей идее целиком, либо только какой-то ее части. Но они не могут быть причастны всей идее, поскольку идея, будучи однородной с чувственными вещами, не может быть во многих местах одновременно. Сократовское допущение, что идея похожа на день, который может быть во многих местах одновременно, не переставая быть одним и тем же, справедливо игнорируется Парменидом, поскольку оно не согласуется с текущей имплицитной гипотезой, на основании которой строится аргументация Парменида в этом разделе, что идеи и чувственные вещи принадлежат к одному и тому же онтологическому типу. Но исходя из этого допущения, ни одна из чувственных вещей не может быть причастна части идеи. Большая чувственная вещь не может быть причастна только части великого самого по себе, поскольку эта часть, будучи подобна чувственной, была бы меньше, чем целое. Самопредикация — допущение, что идеи являются *F* в том же самом смысле, в каком чувственное есть *F* — возникает как следствие уподобления идей чувственным вещам.

Согласно параллельной линии рассуждения, всё еще допускающей одномировую онтологию, либо идея эпистемически следует за чувственными вещами — то есть наше понимание идеи возникает из рассмотрения нами чувственных вещей, — либо она первична для них. Если первое, признавая, что мы принимаем самопредикацию как нашу текущую онтологическую предпосылку, тогда Аргумент третьего человека: большие чувственные вещи являются большими благодаря другому большому, отличному от них; но это новое большое, на основании допущения гомогенной онтологии, должно быть большим в силу еще одного большого, отличного от него; и так далее. Сократ снова нарушает порядок: идеи суть нематериальные мысли в душе. Парменид, опять справедливо, ни с чем таким не согласен: либо мысли суще-

ствуют в независимой реальности (и тогда мы вернулись к исходным затруднениям), либо еще, если мысли сами являются независимой реальностью, то лучшее, что мы можем сделать на основании текущего допущения, — это уподобить чувственные вещи идеям, а не наоборот, как мы это делали до сих пор. Если второе — идеи первичны по отношению к чувственным вещам, будучи парадигмами по природе, — тогда мы должны интерпретировать отношения между парадигмой и копией как симметричные в соответствующем отношении, чтобы оставаться внутри нашего предполагаемого единственного мира и гомогенной онтологии.

Если мы принимаем второй «рог» основной дилеммы, то мы становимся приверженцами полной гетерогенности чувственных вещей и идей, что влечет непреодолимую пропасть между нами самими и идеями или, если на то пошло, — между любой чувственной вещью и идеей. Таковы аргументы о господине и рабе, о богах, ничего не знающих о нас, о знании идей, которые для нас непостижимы, и тому подобное. В полностью гетерогенной онтологии не может быть никакого среднего основания. Отношения возможны только между сущностями одного и того же типа (в противном случае термины такого отношения содержали бы что-то общее и не были бы полностью гетерогенными друг по отношению к другу).

Эта апория имеет законченный характер: такое отношение между одним и многим, какое нужно Сократу для его учения об идеях, невозможно, вне зависимости от того, однородны ли идеи с чувственными вещами или гетерогенны с ними.

Структура аргументов в части I показана на рис. 1. Метод этой апоретической части диалога является абсолютно парменидовским. Строго сформулированная дилемма насаживает Сократа на свои рога: либо имеются сущности только одного типа (идеи, коллапсирующие в чувственные вещи или наоборот), либо, если есть два типа, то они должны быть полностью отделены друг от друга. В любом случае причастность невозможна; идеи не являются решением проблемы одного и многого. Метод, который соответ-

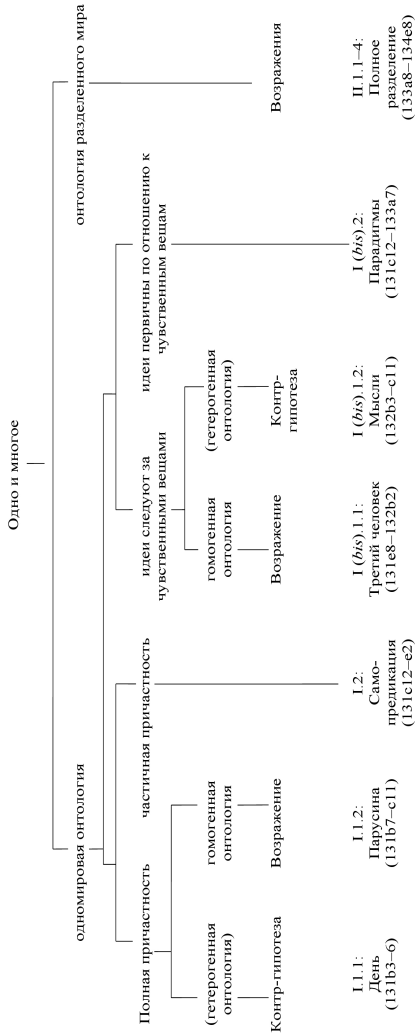

Рис. 1. Структура аргументации в части I «Парменида» Платона

ствуется этой онтологии, также аналогичен парменидовскому. Нет двух способов существования: всё, что существует, может быть только *καθ' αὐτό*, 'само по себе', независимо от того, имеется ли только один тип сущностей или их более одного.

Но если причастность невозможна и не может быть установлено никаких отношений между одним и многими, философия тоже невозможна. Однако, мы *всё же* занимаемся философией в самом акте доказательства ее невозможности: для того чтобы выполнить вышеупомянутое исследование, мы высказывались об идеях идей и приписывали строго определенные характеристики чувственным вещам — всё это предполагает некоторую возможность отношения одного и многого. Это прагматическая, а не чисто логическая проблема. Следовательно, решение будет достигнуто не благодаря доказательству, а посредством метода, который Платон уже использовал в сходных обстоятельствах и в котором он видел *собственный* метод философии. Можно предположить, что в отличие от парменидовской структуры какая-либо сущность (идея или чувственная вещь) также может быть 'каким-то образом' (*που*) 'в отношении к другой' (*πρὸς ἄλλο*). Только так может Елена быть красивой, не будучи красотой, и только таким образом идея может быть как 'сама по себе', так и 'в нас'.

Часть II

В части II Парменид сначала, в Аргументе I, строго сформулирует предпосылки и характеристики парменидовской онтологии. Этот Аргумент снова приведет в тупик (см. 142a6–8.) Но на этот раз ведущие к нему допущения полностью прозрачны. Аргумент можно рассматривать как рассмотрение и критику той гипотезы, на которой основывается часть I. Исходя из прагматической апории в конце Аргумента I, в Аргументе II Парменид предложит альтернативную гипотезу, единственной защитой которой является ее способность обеспечить эупорию, которая сделает философию возможной.

Часть II обращается к частичной двусмысленности в различных аргументах глагола ‘существует’, обозначающего с одной стороны парменидовское сущее (т.е. абсолютное утверждение содержания гипотезы) и, с другой стороны, причастность (т.е. существование ‘каким-либо образом’, как ограниченное в соответствии с ослабленным принципом непротиворечия). В ходе Аргументов Платон различает и разъясняет эти два способа существования. Аргументы I, IV, VI и VIII дают нам разъяснения парменидовского сущего, а Аргументы II, III, V и VII объясняют платоновскую концепцию причастности как существование определенным образом, то есть только в каком-то одном отношении, но не в другом.

Как во всех диалектических и гипотетических аргументах, выводы всегда зависят от посылок и не могут быть от них отделены. Аргумент целиком и каждый его шаг должны быть интерпретированы строго в пределах, установленных гипотезой, имеющей силу на каждом из этапов². Более того, целью аргумента является либо сведение к невозможности рассматриваемых утверждений (Аргументы I и т.д.), либо установление зупории, *возможности* выводов (Аргументы II и т.д.): отсюда использование Платоном сослагательного и желательного наклонений во всех этих последних Аргументах (с некоторыми стилистическими вариациями). В любом случае, как покажет детальное рассмотрение, соответствующие аргументы доказывают не сами выводы, а только их возможность³ в зависимости от тех различных аспектов, в которых они могут быть истинными.

В соответствии с рекомендациям Парменида в отношении метода в 135c8–136e4, в части II изложены две основные Гипотезы: ‘одно существует’ и ‘одно не существует’. Затем выводятся след-

² Это было очевидно для Pico della Mirandola 2010: 212 (cap. II): «Quibus etiam testimoniis si non credimus, ipsum percurramus dialogum, videbimusque nusquam aliquid affirmari, sed ubique solum quaeri: hoc si sit, quid consequetur, quid item, si non sit». Ср. Klibansky 1943: 320–321.

³ Но не их интеллигибельность, как у Turnbull 1998: 48. Я не могу найти в тексте оснований для такой интерпретации.

ствия для гипотетической сущности ('одно') и ее 'противоположности' ('многое', или 'не-одно'), позже приравненной к 'иным'. Но каждая Гипотеза рассматривается дважды для каждой серии следствий: один раз показывая следствия для одного (или многого) 'по (отношению к самому) себе' (или 'в самом себе'), то есть как будто никакие отношения любого рода невозможны, и еще раз — как если бы оно (или они) могли 'каким-то образом' быть 'в отношении к чему-то другому'. В целом всё это дает нам восемь Аргументов.

Главный вопрос заключается в том, каково отношение одного ко многому: как возможно, чтобы что-либо могло быть причастно другим вещам, не переставая быть единственной вещью? Он первичен и более важен, чем вопрос об отношении чувственных вещей и идей. Действительно, *логическая*⁴ проблема состоит в отношении к дополнению (если таковое имеется) всего того, о чем можно сказать как об одном. Проблема причастности многого к одному возникает также для идей, как намекал Парменид в 135d8–e4. Возможность причастности идей друг к другу будет показана как условие возможности причастности чувственных вещей к идеям. *Вывести* это не получится, и не будет предложено никакого механизма для того, чтобы это сделать. Будет только достигнута эупория против затруднений, созданных элеатовской логикой. Однако эта эупория оказалась почти побочным продуктом гораздо более масштабного исследования, охватывающего всю логическую сеть отношений между одним и многим, которое закладывает основу для метафизики «Софиста».

Обратим внимание, что во всей части II «Парменида» не упоминаются ни чувственные вещи, ни идеи. Это происходит не потому, что Платон разочаровался в идеях после нападок Парменида в части I. Скорее, Парменид теперь поднимает вопрос на более высокий уровень общности ('высшая гипотеза' в терминологии «Федона» 101d5 и «Государства» VI, 511a6). На этом уровне идеи и чувственные вещи одинаково рассматриваются как 'одно'.

⁴ С учетом не строго формального понимания логических отношений Платоном.

Некоторые соображения, такие как в «парменидовских» Аргументах (I, IV, VI, VIII), применимы только к сущностям, которые способны существовать καθ' αὐτά, то есть к идеям. Другие соображения применимы и к идеям, и к чувственным вещам в равной мере⁵, за исключением того, что идеи *также* могут быть πρὸς ἄλλα, 'по отношению к иным', тогда как чувственные вещи могут быть *только* такими (Аргументы II, III, V, VII). Лишь немногие применимы исключительно к сущностям, которые могут иметь отношение ко времени, то есть исключительно к чувственным вещам (Теорема II.10, Приложение, о физических изменениях). На рис. 2 показаны аргументы в части II «Парменида».

Каждый Аргумент следует более или менее жесткому шаблону: во-первых, дается определение 'одного' для этого Аргумента (сокращенно «df.»). Оно же при этом является разъяснением значения 'существует'. Затем идет то, что можно назвать Основной теоремой (1), которая устанавливает отношение, если оно возможно, между целым и его частями. Фактически это равносильно объяснению определения: если 'существует' интерпретируется как отсылка к парменидовскому, абсолютному существованию, тогда невозможны никакие его составляющие или части, и одно не может быть целым. Тогда 'существует' полностью «прозрачно», и не может быть никакого различия между 'одно' и 'существует': утверждение, что одно существует, равносильно признанию этого одного. Если, с другой стороны, 'существует' интерпретируется как относящееся к чему-то отличному от 'одного', тогда можно провести различие в пределах этого одного, которое существует. В таком случае одно, которое существует, представляет собой целое, содержащее части или аспекты, и оно может обладать предикатами в соответствии с этими аспектами. Затем идут различные Теоремы (2–10), исследующие эти различные аспекты, с редким добавлением лемм, следствий и примечаний. Каждый Аргумент обычно заканчивается выводом о существовании как атрибуту и следствием из него в отношении знания, мнения и тому

⁵ Или, скорее, к чувственным вещам *через* их причастность идеям.

подобного. Фактически вывод является кратким изложением всего Аргумента, объединяющим под 'существованием' все рассмотренные в нем атрибуты. Этот шаблон варьируется в соответствии с требованиями каждого Аргумента.

Легко заметить, что порядок и содержание Теорем разработаны прежде всего для Аргумента II. Действительно, различие между целым и частями, или аспектами, имеет смысл только в этом Аргументе и в тех, которые ему соответствуют, поскольку все следствия из Аргумента I и его производные являются негативными.

После Аргументов I и II серия Теорем и сами Теоремы часто предстают в урезанном виде. Теоремы не обязательно появляются всегда в том порядке, в котором представлены ниже. Это порядок Аргумента II, для которого фактически и были разработаны Теоремы. Другие Аргументы могут иметь отличные требования к порядку Теорем. Полная последовательность Теорем показана в таблице 1. Можно показать, что этот список категорий⁶ возник под влиянием Парменида, а может быть, на самом деле почерпнут из поэмы Парменида. Беглый обзор списка категорий у Платона и в поэме Парменида выявляет параллели, представленные в таблице 2.

Эти категории частично зависят друг от друга, предшествующие являются необходимым условием для последующих, как показано на рисунке 3.

Здесь может быть полезным краткое последовательное изложение Аргументов. Комментарий содержит подробный анализ каждого из них.

⁶ Несколько иной список платоновских категорий см. в Rist 1962: 8, с опорой на предположение Алкиноя (Albinus: 6.10), который вводит в «Парменид» Платона (аристотелевские) десять категорий. Это, очевидно, неверно, поскольку речь идет о категориях Аристотеля, однако «Парменид» действительно предлагает список категорий, вероятно, состоящий даже из десяти категорий, как мы только что видели, а Алкиной, возможно, опирался на какую-то традицию, слишком рьяно переосмысливая ее с целью гармонизировать Платона и Аристотеля. Ср. также Natorp 1903: 237.

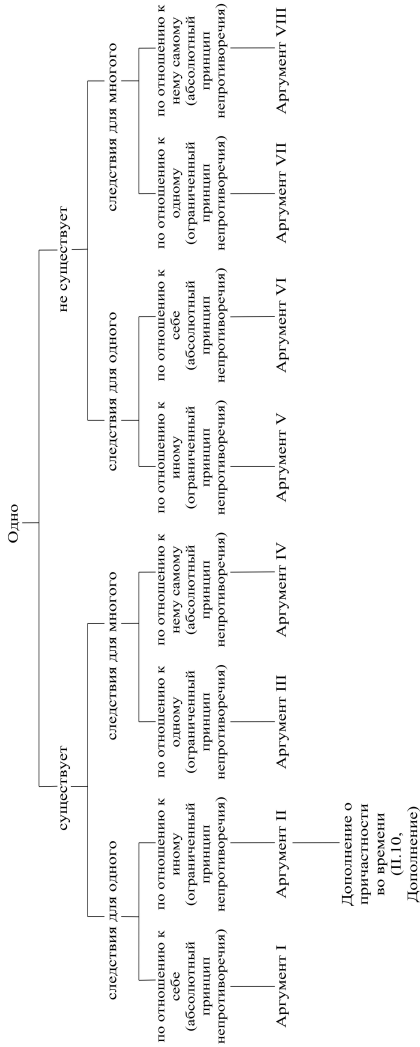

Рис. 2. Структура аргументации в части II «Парменида» Платона

Характерно, что Платон от Аргумента к Аргументу накладывает на дихотомическую структуру также линейную прогрессию. Сходным образом он действует, например, в метафоре Разделенной линии в «Государстве». Как мы видели выше, он так же поступал в части I нашего диалога и, как будет видно из анализа, он делает это снова в части II. Последующие Аргументы часто зависят — разными способами — от предыдущих, и более ранние выводы приходится перечитывать в свете последующего анализа.

Гипотеза: одно существует

Аргумент I

Аргумент I, как мы уже увидели, представляет собой систематический анализ парменидовского сущего. Его гипотеза — абсолютный принцип непротиворечия: быть одним значит не быть многим, без каких-либо допустимых ограничений. Невозможно, если что-либо существует, чтобы оно каким-то образом было, а каким-то другим — не было. Единство объекта является абсолютным. В нем невозможно различить какие-либо аспекты, поскольку это будет означать, что одно является таким-то и таким-то по отношению к одному аспекту, и не является — по отношению к другому.

Таблица 1

Последовательность Теорем и их категории в части II «Парменида» Платона

Теорема	Категория
df.	Определение ^a
1	Часть (части) / целое
1.1	Часть (части)
1.2	Целое
2	Предел
2.1	Беспредельное
2.2	Ограниченное
2.королларий	Число

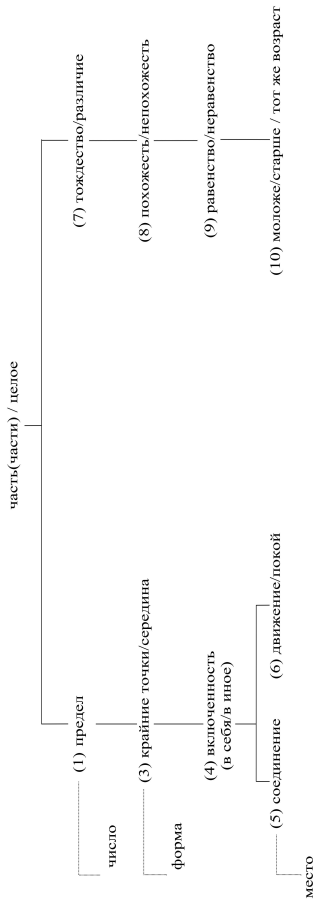
3	Крайние точки [начало-конец] / середина
3.королларий	Форма (круглое / прямое)
4	Включенность
4.1	В себя (в единственном или множественном числе)
4.2	В иное (в единственном или множественном числе)
5	Связь
5.1	С собой
5.2	С иным
5.королларий	Место
6	Движение / Покой
6.1	Движение
6.1.1	Изменение
6.1.2	Передвижение
6.1.2.1	Круговое движение
6.1.2.2	Перемещение
6.2	Покой
7	Тождественность / Инаковость
7.1	Тождественное
7.1.1	Себе
7.1.2	Иному
7.2	Иное
7.2.1	По отношению к себе
7.2.2	По отношению к иному
8	Подобие / Неподобие
8.1	Подобное
8.1.1	Само
8.1.2	Иное
8.2	Неподобное
8.2.1	Само
8.2.2	Иное
9	Равенство / Неравенство
9.1	Равное
9.1.1	С собой
9.1.2	С иным

9.2	Неравное (большее / меньшее)
9.2.1	С собой
9.2.2	С иным
9.королларий	Равенство чисел
10	Существование и становление моложе-старше / тот же возраст
10.1	Существование
10.1.1	Моложе-старше
10.1.1.1	Чем само
10.1.1.2	Чем иное
10.1.2	Того же возраста
10.1.2.1	Как само
10.1.2.2	Как иное
10.2	Становление
10.2.1	(То же, что выше...)
(и т.д.)	(...)
Вывод ^а	Существование
Королларий ^а	Отношение, знание, мнение, восприятие, имя, значение и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ: Любая Теорема в данной последовательности может на любом уровне включать одну или несколько подразделов, не перечисленных в этой таблице: определение, экскурс, лемма или вывод — или примечание (или множественные примечания) к любой из них. Кроме того, Приложение к теореме 10 в Аргументе II само по себе разделено на три основных подраздела, и оно имеет свои собственные вывод и примечание.

Важно иметь в виду, что последовательность Теорем, перечисленных в этой таблице, не обязательно будет отображаться полностью или в точном численном порядке во всех Аргументах.

^а Хотя определения, выводы и королларии для Аргументов I–VIII, возможно, не являются в строгом смысле Теоремами, они не менее важны. В частности, каждый Аргумент включает в себя свое собственное четкое определение 'одного', которое к тому же служит разъяснению точного смысла, в котором должно использоваться 'существует'.

вывод: существующее

следствие: отношение, знание, мнение (и т.д. см. Таб. 1)

Рис. 3. Категории существования и их отношения в части II «Парменида» Платона. Цифры в скобках указывают на номера Теорем

Таблица 2

Параллельные категории в теоремах части II «Парменида»

Платона и в поэме Парменида, фрагмент 28 В 8 DK

Теоремы в «Пармениде» Платона	Категории	28 В 8 DK, строки
1	Часть (части) / целое	4, 22, 38
2	Предел	42
3	Крайние точки / середина	43
4	Включение	29
5	Соединение	6, 25
6	Движение / покой	26, 38; ср. 41
7-9	Тождество (и т.д.)	57
10	Существование во времени	5, 12-14, 20-21
II.10, Приложение	Возникновение / уничтожение	3, 40
II.10, Приложение, 1	Разделение / соединение	22
II.10, Приложение, 2	Поглощение / распад	41
II.10, Приложение, 3	Рост / увядание	6

Следовательно, никакая атрибуция вообще не возможна. В целом, об одном нельзя сказать даже, что оно есть *что-то*, поскольку это будет означать οὐσία, характеристику, которая, в свою очередь, будет означать различие и множественность. Одно не может стоять в каком-либо отношении к чему-либо, поскольку оно рассматривается только καθ' αὐτό, 'по отношению к себе'. Поскольку знание — это какое-то отношение, то одно не может быть объектом знания (или даже какого-либо способа познания).

Но, как и в части I, относительно которой этот Аргумент можно рассматривать как ее переформулировку, мы сделали одно объектом исследования и, по крайней мере, мнения: мы подразумевали какой-то вариант эпистемического отношения между им и нами. Таким образом, мы попали в прагматическую апорию. Поэтому мы должны изменить нашу гипотезу так, чтобы прийти к другому выводу, более соответствующему тому, что мы делали.

Аргумент II

Аргумент II дает нам в таком случае альтернативную интерпретацию Гипотезы: 'Одно существует' теперь берется в значении, что одно имеет некоторое (неспецифическое) свойство, отличное от него самого. Другими словами, оно существует в некотором отношении (в соответствии с приписанным свойством; Теоремы будут рассматривать эти отношения одно за другим), но его существование таким-то и таким-то не исчерпывает его целиком. Быть чем-то (например, одним) не противоречит тому, чтобы быть также чем-то иным, если эти два свойства не приписываются объекту в том же отношении. Это прямое применение ограниченного принципа непротиворечия. В частности, существование в качестве одного не исключает существования в качестве многих (в некоторых отношениях). В целом ограниченный принцип непротиворечия как критерий единства и существования открывает возможность для чего-либо существовать в качестве одного и, тем не менее, противоположным образом предсказываться, *κατὰ* различным аспектам. Аргумент II предполагает возможность предикации и устанавливает ее условия, главным из которых является ограниченный принцип непротиворечия.

Этот Аргумент рассматривает одно, которое существует как *ὅλον*, комплекс. Основная Теорема раскрывает существенную двусмысленность такого одного: оно *одновременно* представляет собой *и* целое, *и* части (которые сами по себе устанавливают разные отношения, имплицитно допускаемые Основной Теоремой). Эта двусмысленность или двойственность достигает апогея в холистическом подходе Платона в этом и в связанных с ним Аргументах: одно, которое существует, первично по отношению к его частям. Это тщательно описано в выводе чисел. Число особенно важно для Платона в этом контексте. Оно появляется как прототип структурированного множества, каким должна быть идея. Как только обеспечивается возможность структурированного целостного множества, можно разрабатывать формальную структуру, которая сделает возможным диэрезу: идеи показаны как ком-

плексы, а не простые единицы. Для дизрезы также необходим двойной фокус, который будет рассмотрен далее в последующих Аргументах: идеи должны рассматриваться *одновременно* и сами по себе *и* по отношению друг к другу.

Тогда в соответствии с текущей гипотезой одно, которое существует, или одно как целое, *может* иметь все возможные предикаты — в разных отношениях, как целое и части или по отношению к различным частям (или аспектам) целого. Аргумент полностью гипотетичен, и его гипотетический характер аккуратно маркируется модальностями глаголов. Мы также должны интерпретировать необходимость, которую юный Ἀριστοτέλης⁷ выражает как *условную* необходимость, как относящуюся не к необходимости выводов самих по себе, а к необходимости того, что они следуют из своих посылок. В большинстве случаев Платон квалифицирует выводы как приписывание одному того или иного свойства только ‘каким-то образом’ (που, πη, πως), или даже он указывает разные отношения, в которых объект является тем или этим⁸. Иногда по стилистическим соображениям Платон меняет модальность глагола и использует изъявительное наклонение. Но — и это легко показать — не для того, чтобы придать какое-то более глубокое значение. Аристотель позже понял это, когда писал: «И о том, что уже находится в состоянии покоя, и о том, что может находиться в состоянии покоя, мы говорим, что оно покоится»⁹.

Важной характеристикой комплексного одного, рассматриваемой в этом Аргументе, является его возможность существовать во времени. ‘Существование во времени’ (точнее, существование в грамматическом времени) допускает изменяющиеся сущности.

⁷ Всюду я буду использовать ‘Aristoteles’ применительно к собеседнику Парменида в диалоге и ‘Aristotle’ как имя философа. Ср. Scolnikov 2003: 45, 78. (В переводе имя философа передается кириллицей, а имя собеседника Парменида — по-гречески. См. прим. 34 к 1-й части Введения в Вольф 2022. — *Прим. пер.*)

⁸ Ср. *Sph.* 259c7 и далее.

⁹ *Metaph.* Δ 7, 1017a35. В этом Аргументе Теорема π.6, о движении и покое, является в точности тем местом, где Платон использует изъявительное наклонение; ср. Scolnikov 2003: 112. Цитирует ли его Аристотель?

Интерес Платона здесь к чувственным вещам, которые не столько чувственные, сколько изменяющиеся. В контексте относительных сущностей это наиболее релевантное различие между ними и идеями. Их существование как воспринимаемое органами чувств было учтено в «Тимее», но это не имеет никакого значения в нашем контексте. Идеи, как он видел их в этом Аргументе, могут (и должны) также быть πρὸς ἄλλα, 'по отношению к другим'. Но они не могут быть разными в разное время, и это то, что отличает их от их обыденных омонимов. Специфическая причастность изменчивых вещей идеям оказывается просто частным случаем существования κατὰ τι, 'в отношении к чему-то (или в соответствии с чем-то)', а именно κατὰ χρόνον, 'в отношении ко времени (или в соответствии со временем)'. Чтобы это было возможно, должна быть возможность существования в (грамматическом) времени. Это не означает, однако, что *все*, что суть одно, существует в (грамматическом) времени; только те из существующих *могут* быть сущностями, которые суть 'каким-то образом' одно, а их существование многими также проявляется 'согласно времени'. И если может быть существование в (грамматическом) времени, то могут происходить физические процессы, — то есть, природа возможна. Приложение к Теореме II.10 рассматривает такие физические процессы.

Одно, которое существует, может быть членом отношений: оно может быть и объектом знания, и объектом мнения (под разными описаниями) и т.д. Различие между объектами знания и объектами мнения в «Пармениде» не рассматривается. Структурно между ними нет никакой разницы. Таким образом, *может* быть и мнение об идеях¹⁰. Структура μέθεξις, 'причастности', одинакова для чувственных вещей и для идей. Обе проблемы решаются одним ударом. Μίμησις, 'подражание', специфическое отношение между чувственными вещами и идеями, подразумевает другого посредника, что здесь не важно¹¹.

¹⁰ Ср. R. VII, 533c1, ο δίανοια как 'сны о существовании'.

¹¹ Ср. Fujisawa 1974: 49: «Это может служить примером того, что Платон при-

Платон показывает здесь, что мир идей и физический мир имеют одинаковую структуру. Но на самом деле Платон не создает физический мир¹². Скорее, он только обеспечивает эупорию: он показывает, что существует способ избежать парменидовских структур и что для физической вещи обладать реальным существованием не является чем-то невозможным (однако эта реальность может быть ограничена), как и демонстрировать ограниченное — но хорошо очерченное — отсутствие противоречий. Однако он не выводит материальный мир как таковой из его метафизической структуры. (Заметим, например, что он никогда не говорит, что рассматриваемые сущности являются чувственными, материальными и т.п.; только то, что они изменяемы). Аргумент II и его продолжение, Аргумент III, показывают *возможность* идей как систему взаимосвязей и, тем самым, также возможность чувственного мира, в отличие от парменидовской интерпретации существования¹³.

Аргумент III

Для того чтобы отношение, знание и тому подобное было возможным, должно существовать множество (см. 155e1–2 и выше), и многое — рассмотренное в рамках ограниченного принципа непротиворечия — должно обладать теми же свойствами, что и одно Аргумента II (одно как одно из многих). Это то, что демонстрирует Аргумент III. Аргумент III тогда является естественным следствием Аргумента II.

шел к мысли, что, хотя идиомы 'причастности' могли быть использованы для описания отношений между идеями, они, в отличие от идиом 'парадигмы', больше не годились для описания отношений партикулярий к идеям».

¹² *Contra* Cornford 1939: 146.

¹³ Чтобы отменить регресс Третьего человека — если это регресс, — недостаточно показать, что копии являются случайными, как утверждает Waterlow 1982, т.е. другим типом сущностей. Они таковы уже в «Федоне» 100c. Далее, необходимо показать, что требуются два способа существования и что идеи таковы, что они способны существовать отраженными в другой среде, а именно (по «Тимею») в каком-то месте.

Многие могут быть рассмотрены в совокупности или по отдельности, что параллельно рассмотрению одного как целого или как части или как частей. Это допускает любой вид отношений между одним и многими. Другими словами, одно может быть предцировано многим любым способом, и всё (даже идеи!) может быть как одним, так и многими. Существует симметрия между одним и многими: для того, чтобы оно могло существовать как знание и т.д., одно должно быть многим, а многие должны быть одним — ‘некоторым образом’: то есть всегда допускается, что принцип непротиворечия может быть ограничен определенным способом.

Аргумент IV

Аргумент IV рассматривает одно и многое как строгую дихотомию: быть многими никоим образом не означает быть одним, согласно абсолютному принципу непротиворечия. Но если многое таково, оно не может быть и многим. Это критика ‘Пути мнения’ Парменида и полного отделения двух его форм от истинного пути и друг от друга. Для того чтобы существовало многое, должно быть какое-то отношение между одним и многими — то есть множество сущностей, которые существуют только καθ’ αὐτά, ‘сами по себе’, невозможно. Допущение множества сущностей требует возможности для этих объектов быть (также) πρὸς ἄλληλα, ‘по отношению друг к другу’. Таким образом, Аргумент IV показывает, что, если существует множество сущностей, они не могут быть единицами такого типа, которые анализировались в Аргументе I.

Гипотеза: одно не существует

Следующие четыре Аргумента касаются гипотезы ‘Одно не существует’. Ее экзистенциальная интерпретация сопряжена с серьезными трудностями. Например, Корнфорд вынужден предположить, что Аргумент V делает выводы из сущности, которая сама не существует. Трудно понять, какой смысл это могло иметь для Платона¹⁴.

¹⁴ *Contra* Cornford 1935, Casertano 1996 и др.

Однако нет оснований с самого начала допускать, что εἶναι должно иметь экзистенциальное значение. Лучше его понимать как предикативное и несовершенное, что дает гораздо больше смысла всему: 'Одно не есть (F)'. По сути, гораздо легче понять, что одно, которое не есть (F), познаваемо и имеет много других свойств — например, G , H (и т.д.), чем если бы это же было истинным для *несуществующего* одного. Если только мы не хотим целиком импортировать в текст весь средневековый аппарат экзистирования и субсистирования, не существующих в реальности сущностей, и сходное с этим несуществующее одно, которое имеет множество свойств, оставаясь неинтеллигибельным. С другой стороны, одно, которое не есть (F), но, тем не менее, имеет много других свойств (включая *сущность*, т.е. существующее как G или H , отличные от сущности F), — такое одно создает вполне хороший платоновский смысл.

Аргумент V

Аргумент v начинается с предположения возможности знания и обсуждения не-сущего. Это создаст пространство для возможности «иного». Одно, которое есть не-сущее, в некотором роде *есть*. Как только у нас появляется возможность для x быть F , мы также должны получить возможность для x не быть F . Поскольку мы всё-таки говорим о не-сущем — и мы допускаем, что мы говорим о нем истинно.

Аргумент устанавливает эквивалентность 'не быть F ' и 'быть не- F '. Особенно важным является рассуждение на 161e3 (и далее), которое демонстрирует эквивалентность небытия и инаковости. Это необходимо для интерпретации 'x не есть F ' как 'x есть G , H (и т.д.)', или 'не- F '. Этот трудный пассаж оказывается решающим для параллельного рассуждения в «Софисте» 256d11–e4.

Показано, что причастность всегда является *частичной* — ответственной только релевантным аспектам. Причастность, таким образом, возможна только при допущении ограниченного принципа непротиворечия. Как только это принимается, эф-

фективно устраняется апория абсолютной причастности. Так, если причастность как ограниченное существование является возможной, то должна также появиться возможность ограниченного несуществования. Тем самым причастность требует интерпретации несуществования как инаковости.

Аргумент VI

Однако результаты Аргумента v не означают, что Парменид был совершенно неправ. Если одно не есть в абсолютном смысле, о нем нельзя ничего сказать: у него нет свойств и оно никаким образом не существует. Парменид *был* прав, полагая, что о не-сущем нельзя сказать и т.д. — в соответствии с *его* принципом непротиворечия. Однако мы уже признали (гипотетическую) необходимость другого принципа.

Аргумент VII

Наша гипотеза заключается в том, что одно не существует. Но даже если мы отрицаем одно, как мы сделали в Аргументе i, мы не обязательно отрицаем иное. Как только отрицание было признано как инаковость (или несуществование F как эквивалентное существованию не- F) в Аргументе v, иные могут существовать и могут рассматриваться — по отношению друг к другу.

Ограниченное несуществование эквивалентно инаковости: одно не существует в одном отношении (скажем, F), но существует в другом (скажем, G). Это не является абсолютным отрицанием одного, потому что мы предполагаем, что единицы *могут* быть определены, пусть даже только в отношении друг к другу, неким произвольным образом. Понятие инаковости подразумевает, что существуют единицы, которые можно считать отличными друг от друга, и в той мере, в какой их можно таковыми считать; но мы не должны понимать такие единицы абсолютно.

В метафизических терминах это означает, что мир, построенный скорее на принципе различия, чем на допущении реальных единиц, *является* возможным, по крайней мере, *prima facie*. Это

был бы чисто структуралистский мир, в котором существовать означает быть отличным от чего-то еще. Тогда всё, что у нас есть, — это чистая система отношений. Ничто не *существует* само по себе; всё существует только по отношению к чему-то другому. Быть значит быть членом отношений. Единицы существуют, но они произвольны и сами по себе неопределенны. Ничто не *есть* нечто в неограниченном смысле. Такая возможность исследуется в «Теэтете» (153e4 и далее), где рассматривается гипотеза, что 'нельзя рассматривать одно, которое существует само по себе'.

Поскольку единицы произвольны, всё что угодно может оказаться обладающим любым свойством. Аргумент VII обеспечивает логическое основание для определения софиста в «Софисте» 236 (и далее). Отрицая реальные единицы, софист может заставить любую вещь казаться какой угодно, меняя точки зрения, не будучи сторонником ни одной из них. Он рисует эскиз мира чистых представлений, в котором ни у одной точки зрения нет никакого преимущества перед любой другой.

Несмотря на то, что этот Аргумент соответствует платоновскому взгляду на феноменальный мир, как полагали со времен античности, его не обязательно относить исключительно к феноменам. Он также может прекрасно описывать и номиналистскую концептуальную область, в которой различия произвольны, без какой-либо онтологической основы, существуя как есть — тогда как одно не есть. Если мы готовы отказаться от истины и удовлетвориться кажимостью истины, такой мир представляется возможным — цена, которую Платон не был готов заплатить.

Аргумент VIII

Но если одно абсолютно не существует, если ни о чем нельзя сказать как о существующей самой по себе одной определенной вещи, то тогда многое невозможно. Даже структуралистский мир Аргумента VII должен допускать, что что-то может считаться (пусть иллюзорно) тем или иным самим по себе. Иначе говоря, было бы невозможно, чтобы эти предполагаемые иные были бы многими или действительно иными.

Абсолютное отрицание одного — или полное отрицание того, что что-то может быть истинно сказано о том или этом, существующем само по себе, — уничтожает всякую возможность дискурса или даже существования чего-либо тем или этим. Поэтому Анаксагор ошибался, сказав, что 'все вещи были вместе' (59 в 1 дк), отрицая (как его понял Платон) любые реальные единицы существования. Чтобы сказать 'все вещи', Анаксагору были нужны понятия 'это' и 'то', как и всем перспективистам, от Протагора до Ницше и Деррида, допускавшим — с чем, как кажется, спорит Платон — реальные единицы значений, чтобы иметь возможность осуществлять дискурс. Структурализма оказывается недостаточно. Грамматика невозможна без семантики. Должно быть, по крайней мере, понятие 'одного' (т.е. определенного объекта, который сам по себе есть то, что он есть, и относительно которого может быть многое). Но если нет ничего определенного самого по себе, с которым иные могут быть связаны, то они не могут быть индивидуализированы и не могут быть исчислимым многим. Таким образом, они не могут быть объектами любого типа познания или различения, и даже (ложного) мнения, поскольку их нельзя отличить друг от друга. Для Платона абсолютное одно является предпосылкой возможности существования чего бы то ни было 'тем' или 'этим'. В конечном счете никакое истинное различие не может быть установлено без допущения абсолютного единства и абсолютного существования.

С другой стороны, можно познавать только связанные сущности, а связанные (или сложные, комплексные) сущности предполагают ограниченный принцип непротиворечия. Если познание (и связанные сущности) возможны, мы должны допустить в равной мере *и* абсолютное, парменидовское существование, *и* существование *πρός τι*, 'по отношению к чему-то'. Другими словами, оба принципа являются необходимыми. Здесь в этом диалоге обнаруживается антиаристотелевский выпад. Ограниченный принцип сам по себе недостаточен. Поскольку ограничения, которые он допускает, нельзя рационально защитить (и Аристотель при-

знавал, что многое делает его принцип открытым)¹⁵, то он не может быть достаточным критерием единства и существования, и его нужно усиливать абсолютным, парменидовским принципом. И если это так, то идеи необходимы, а без негипотетического принципа обойтись нельзя, даже если сущность, которой он соответствует, не может быть объектом дискурсивного познания.

Допущение только одного способа существования — существования самого по себе — привело к апории части I, даже если мы были готовы принять сущности разных типов. Следует допустить существование в отношении к чему-то еще, независимо от того, имеют рассматриваемые сущности одинаковые степени реальности или нет. С другой стороны, если имеется только существование в отношении к чему-то другому, но не само по себе, тогда никакое знание не является возможным, а истина становится пустым словом. Постулирование идей как единиц реальности и знания требует, чтобы они существовали как сами по себе, так и по отношению к чему-то другому. То, что все эти Аргументы являются гипотетическими, не означает, что мы должны выбирать между ними. Это означает только то, что их гипотезы являются условиями возможности (или невозможности) их следствий. Платон настаивал, что для того, чтобы преодолеть апорию причастности и сохранить возможность знания, мы должны принять обе интерпретации этой гипотезы. Бытие должно быть *καθ' αὐτό*, 'само по себе', равно как и *πρός τι*, 'по отношению к чему-то'. Но поскольку не может быть только бытия *πρός τι*, то только то, что может быть *καθ' αὐτό*, является полностью реальным, а то, что может быть только *πρός τι*, является зависимым или производным.

***16

Парменид сделал то, что Сократ посчитал чудесным в 129b6–130a2: он показал, 'что то, что есть одно, само есть многое, и опять

¹⁵ Ср. *Metaph.* Г 3, 1005b21–22.

¹⁶ Нижеследующий пассаж является заключительным к переводу всего диалога «Парменид» (Scolnikov 2003: 166), но мы сочли уместным разместить его здесь в качестве итогового рассуждения о целях и смысле диалога. — Прим. пер.

же, что многие в действительности суть одно', и как сама идея может — нет, *должна* — подвергаться влиянию противоположностей, если мы хотим спасти философию и не уничтожить возможность диалога. (Ср. 135с1–5.)

Но также он сделал и нечто большее. В Аргументах I–VIII проводится различие не только между двумя *типами сущностей*, но также, что куда более важно, между двумя *модусами существования*. Существование многих зависит от существования одного. Эта ситуация асимметрична. Если не будет многих, то одно по-прежнему может быть *καθ' αὐτό* (так в Аргументе I, несмотря на все присущие ему проблемы — в основном эпистемологические). Но если нет ни одного *καθ' αὐτό*, то не может быть и никаких реальных многих (Аргумент VIII).

Платоновская гипотетическая процедура привела нас от убежденности, что знание в собственном смысле и мнение возможны, к условиям этой возможности: можно сказать, что единицы существуют как сами по себе, так и по отношению к другим, и, более того, возможность существования по отношению друг к другу подразумевает, что такие единицы также существуют сами по себе. Факт познания требует непарменидовской логики, такой, какая была разработана в ходе Аргументов I–VIII. Такая логика обеспечивает нас инфраструктурой онтологии взаимной причастности идей друг к другу и однонаправленной причастности чувственных вещей к идеям, которая была намечена после «Федона» и будет более тщательно разработана начиная с «Софиста». Однако отказаться от парменидовского одного, несмотря на то, что оно не является объектом (дискурсивного) познания, мы не можем.

Литература

- Вольф, М.Н. (2022), “Шмуэль Школьников. «Парменид» Платона. Введение (перевод, часть 1)”, *Платоновские исследования* 17.2: 219–259.
- Alcinous [Albinus] (1993), *Handbook of Platonism*. Translated with an Introduction and Commentary by John Dillon. Oxford: Clarendon Press.
- Casertano, G. (1996), *Il nome della cosa: Linguaggio e realtà negli ultimi dialoghi di Platone*. Napoli: Loffredo.
- Cornford, F.M. (1935), *Plato's Theory of Knowledge: The Theaetetus and the Sophist of Plato*. Translated with a Running Commentary. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Cornford, F.M. (1939), *Plato and Parmenides*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Diès, A., ed. (1923), *Platon. Parménide*. Paris: Les Belles Lettres. (*Platon. Œuvres complètes* 8.1.)
- Fujisawa, N. (1974), “Ἐχειν, μετέχειν, and Idioms of ‘Paradeigmatism’ in Plato’s Theory of Forms”, *Phronesis* 19: 30–58.
- Klibansky, R. (1943), “Plato’s *Parmenides* in the Middle Ages and the Renaissance”, *Medieval and Renaissance Studies* 1: 281–350.
- Migliori, M. (1990), *Dialettica e verità. Commentario filosofico al “Parmenide” di Platone*. Milano: Vita e Pensiero.
- Natorp, P. (1903), *Platos Ideenlehre: Eine Einführung in den Idealismus*. Leipzig: Dürr.
- Pico della Mirandola, G. (2010), *Dell’Ente e dell’Uno*. Edizione critica del testo latino di Franco Bacchelli e Raphael Ebgi. Milano: Bompiani.
- Rist, J.M. (1962), “The *Parmenides* Again”, *Phoenix* 16: 1–14.
- Scolnicov, S. (2003), *Plato’s Parmenides*. Translated with Introduction and Commentary. University of California Press.
- Turnbull, R.G. (1998), *The Parmenides and Plato’s Late Ontology*. University of Toronto Press.
- Waterlow, S. (1982), “The Third Man’s Contribution to Plato’s Paradigmatism”, *Mind* 91: 339–357.